

Глава 22.

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФСКОЙ ФУТУРОЛОГИИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Л.Г. Александров
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия

Тема посвящена футурологическим мотивам в творчестве известного русского мыслителя В.Ф. Одоевского. Проблема человека и прогресса научно-технической цивилизации рассматривается в контексте его философско-идеалистических позиций, изложенных в форме особого фантастического жанра. Прогнозы Одоевского на развитие человечества не во всем были точны, однако в некоторых аспектах предвосхитили контрасты современной глобальной цивилизации.

На развитие русского научно-фантастического жанра немалое влияние оказало творчество Владимира Федоровича Одоевского (1803-1869) - известного писателя, философа, общественного деятеля. В его мировоззрении отчетливо заметны следы идеалистической философской системы Ф.Шеллинга, в которой романтики его поколения увидели перспективу развития цельной личности, находящейся в гармонии с собой и с миром. Сам Одоевский встречался во время путешествия по Германии с Шеллингом, называл его «Колумбом XIX века», и, по большому счету, во всех своих сочинениях развивал главный постулат шеллингианства, состоящий в чувственно-эстетическом одухотворении «потенций» божественной природы. [1] «Мы верили, - писал Одоевский, вспоминая молодые годы, - в возможность закона абсолютной теории, посредством которой возможно было бы построить все явления... Тогда вся жизнь человека казалась нам довольно ясною». [2]

В молодости мыслитель был серьезно увлечен магией, мистикой и сопряженной с ними философией. Герой его повести «Сильфида» заявляет о «тайных знаниях» следующее: «Мы, гордые промышлен-

ники XIX века, напрасно пренебрегаем этими книгами и даже не хотим знать о них. Посреди разных глупостей, показывающих младенчество физики, я нашел много мыслей глубоких; многие из этих мыслей могли казаться ложными в восемнадцатом веке, но теперь большая часть из них находит свое подтверждение в новых открытиях: с ними то же случилось, что с драконом, которого тридцать лет тому почитали существом баснословным и которого теперь отыскивали налицо, между допотопными животными. Скажи, должны ли мы теперь сомневаться в возможности превращать свинец в золото с тех пор, как мы нашли способ творить воду, которую так долго почитали первоначальной стихией?» [3] Во многих ранних романтических повестях Одоевского («Импровизатор», «Саламандра» и др.) эта тема звучит особенно сильно. Причем, как отмечали критики, в частности, В.Г.Белинский, мистические описания в повестях Одоевского вполне логичны, обоснованы и рациональны, вплоть до того, что если отбросить их «странный предмет», кажутся описанием естественного явления.

Естественно-научные знания, древняя и современная натурфилософия всегда были предметом особенного интереса писателя. В кружке Любомудров, к которому принадлежал Одоевский, выработывался особый спектр идей, которые впоследствии станут основными в учениях русских космистов – мыслителей, поддерживавших идею синтетического универсального знания, подвластного человеку, управляющему своими инстинктами и природными стихиями. Такого рода позиция формировала особую гуманистическую мораль и исключала любой культурный эгоизм. В мировоззрении шеллингианцев человек – активная сила универсума, часть судьбы природно-космического организма. «При всяком происшествии, - писал Одоевский, - будем спрашивать себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке: 1) человечеству; 2) родине; 3) кругу друзей или семейству; 4) самим себе. Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели». [4] Полемизируя с И.С. Тургеневым об индивидуализме (уже в зрелые годы), Одоевский пылко восклицал: «Не один я в мире, и не безответен я пред моими собратьями – кто бы они ни были: друг, товарищ, любимая женщина, соплеменник, человек с другого полушария. То, что

я творю, волею или неволею приемлется ими; не умирает сотворенное мною, но живет в других жизнью бесконечно. Мысль, которую я посеял сегодня, взойдет завтра, через год, через тысячу лет; я привел в колебание одну струну, оно не исчезнет, но отзовется в других струнах гармоническим гласовным отдаением». [5]

В чем-то такое мировоззрение тяготело к утопии. Утопические фантазии Одоевский впервые опробовал еще в журнале «Мнемозина», который он издавал вместе с В.К.Кюхельбекером в 20-х годах XIX века. Именно там появилась его повесть «Старики, или Остров Панхай» (от греч. «всеобщая радость»). Критика отмечала, что безмятежное блаженное существование жителям острова далекого будущего обеспечивает научный прогресс и жизнь «по природе». [6] Таким образом, в своем стремлении к совершенству, человек будущего, по Одоевскому, обязательно раскроет секрет долголетия, и его счастье станет «бесконечным». Но уже в этой повести звучит некоторый скепсис относительно подобного «растительного» существования человека, становящегося неспособным к изменению, преобразованию мира.

Показательно, что уже в первой половине XIX века Одоевский использовал в художественном творчестве элементы двух видов футурологической фантастики, выделенных значительно позже - оптимистической и «катастрофической», - не становясь при этом полностью приверженцем ни одной из них. Его мечты светлы и преисполнены надеждой на человеческое будущее, однако он все же остается сугубым реалистом, насыщая утопическое пространство вещами и понятиями, свойственными его эпохе. Взгляды на перспективы развития фантастического жанра Одоевский изложил в ряде статей: «Фантастический род, на который также была мода в Европе, и который, может быть, больше, нежели все другие роды, должен изменяться по национальному характеру, соединять в себе народные поверья с девственною мечтою младенчества, - этот род целиком перешел в наши произведения и достиг состояния настоящего бреда с тою разницей, что это не есть бред естественный, который все-таки может быть любопытным, но бред, холодно перенесенный из иностранной книги». [7]

Гуманистическое, нравственное начало он считал обязательным элементом не только большинства литературных жанров, но и вообще - любого вида общественной и культурной деятельности. При этом его мировоззрение отличалось также энциклопедизмом, чрезвычайной широтой интересов — от музыки и астрономии до химии и гастрономии. Он постоянно стремился к философскому синтезу, подчас рискованному, но именно в таком духе видел основу своей программы познания «живой связи всех наук». Он даже задумывает издание Философского словаря и успевает подготовить для него некоторый материал. Позже Одоевский отходит от этой затеи и занимается преимущественно проблемами антропологии и историографии, причем «космософия» Шеллинга сохраняет в его изысканиях роль «фундамента». Одоевский исходит из того, что «в человеке слиты три стихии - верующая, познающая и эстетическая», - поэтому в основу философии должны быть положены не только наука, но и религия, и искусство. На первое место выступает сам человек, в котором указанные сферы и находят свое единство. Антропологические идеи Одоевского, в чем-то перекликающиеся с мистикой Сен-Мартена и Порреджа, наиболее оригинальны и самостоятельны тогда, когда он касается внутреннего мира человека, особенно в том, что он говорит об «инстинктуальных силах» человека, воспитанных с древности и все более утрачиваемых в напряженном развитии цивилизации. [8]

Представитель эпохи, только начинающей знакомиться с электричеством, Одоевский защищал мысль о выведении материальной силы из энергии: «Может быть, - писал он в интуитивном предвосхищении XX века, - один день отделяет нас от такого открытия, которое покажет произведение вещества от невещественной силы». [9] Несмотря на известную отсталость русского общества в его эпоху, он оставался «позитивным реалистом» и верил, что именно русский народ ждет большое будущее: «...а все-таки русский человек - первый в Европе не только по способностям, которые дала ему природа даром, но и по чувству любви, которое чудным образом в нем сохранилось, несмотря на недостаток просвещения, несмотря на превратное преподавание религиозных начал, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшение». [10]

Человек будущего в повестях и романах Одоевского — существо разумное и нравственное одновременно. Однако его судьба в будущем мире далеко не однозначна. Неоконченный фантастический роман Одоевского «4338 год» дает занимательную и поучительную картину достижений человечества в далеком будущем. Он был написан в виде писем китайского студента Ипполита Цунгиева, путешествующего по России, к своему другу, живущему в Пекине, и опубликован (в отрывках) в изданиях «Московский наблюдатель» и «Утренняя заря». Описывая отдаленное будущее, Одоевский предвосхищает такие явления, как цветная фотография, фотосинтез растений, синтетические ткани, развитие авиации и пр. Он придумывает оригинальный способ обогрева северных районов за счет южных с помощью специальных теплопроводов, чем предвосхищает современные глобальные энергосистемы.

Человечество достигло высокой ступени планетарной гармонии и эффективности управления обществом. Однако Одоевский иронизирует по поводу страстей (корысти, зависти, расточительства), которые человечество так и не сумело в себе изжить, несмотря на высокий уровень «психической регуляции». Не покорены и все природные стихии – в частности, Земле, по сюжету романа, грозит гибель от столкновения с кометой Белы, а значит, несмотря на высокий уровень развития культуры, ей далеко до совершенства, поскольку объективно страх и смерть все-таки не устранены из обихода человечества [11]. Одоевский наблюдал суматоху в столичных журналах по поводу появления этой кометы в 1820-х годах, и это событие составило завязку романа. И хотя паникерство не в стиле Одоевского, он все же использует эсхатологические элементы в контексте романа. Вообще, писатель не дождался момента, когда комета рассыпалась (в 1872 году) и перестала быть предметом слухов и сплетен.

Роман Одоевского не акцентирует внимание на социально-политических отношениях, по его мнению, и в далеком будущем в человеческом обществе сохранится социальное расслоение (по способностям). Это позволило некоторым современникам Одоевского усомниться в его гуманизме и выдвинуть ряд упреков. Эти упреки поступали, в основном, конечно, от радикально настроенных западников, в среде которых активно, хотя и не всегда открыто (по цен-

зурным соображениям) муссировались республиканские идеи свободы и равенства. Из описаний в романе мы можем вынести мысль о грядущем культурном доминировании России в Северном полушарии, при том, что Англия и Америка «одичали» и «продают свои города с публичного торгу». [12]

Едва ли не впервые в философии Одоевский затрагивает проблему трагической нехватки мозговых резервов человека для обработки чудовищно возрастающего количества информации: «Человечество достигает того сознания, что природный организм человека неспособен к тем отправлениям, которых требует умственное развитие... эту несоразмерность наводит на все человечество безнадёжное уныние». [13] По свидетельству современников, он, состоя на должностях директора библиотеки и музея, ощущал эту проблему более серьезно, чем большинство современников. Не случайно в романе описание «стеклянных» библиотек, придуманных человечеством для хранения информации, - в них, хотя и смутно, но угадываются современные компьютерные электронные устройства.

Спустя некоторое время после выхода глав из романа «4338 год» Одоевский опубликует ряд утопических рассказов, впоследствии включенных в философский роман «Русские ночи», являющийся первым образцом этого жанра в отечественной культурной традиции. Сквозным мотивом в них окажется «оборотная сторона» стремления человека к господству над природой. В рассказе «Город без имени» описывается колония поселенцев-утилитаристов с огромной статуей И.Бентама на центральной площади. Это город совершенного материального производства, в котором господствует «интернационализм», но жители уже изгнали из города священников, художников и философов, «невыгодных» общественному строю. «Логическая и нравственная проверка экономической теории Бентама», как сам Одоевский обозначил тему рассказа, была довольно смелым вызовом современному ему светскому обществу - учение о сложении индивидуальных выгод в «совокупное счастье» человечества была частью официальной придворной доктрины в первой четверти XIX века. Одоевский опровергает типично западный индивидуализм, оправдывающий социальную конкуренцию, и социальный технизм, в котором нет простора для человеческой любви. По этой и многим другим

причинам современные критики порой причисляли Одоевского к славянофилам.

Мысленный эксперимент в рассказе Одоевского не привязан к прошлому или будущему, автор свободно «играет» пространственно-временными рамками, хотя по многим признакам местоположение данной Утопии ближе к американскому континенту. В Бентамии торжествует «банкирский феодализм», но, испытав временный взлет, страна начинает разваливаться. При «смене власти», в эпоху доминирования ремесленников (а затем и земледельцев) нравственный климат восстановить не удастся, и страну захлестывают военные раздоры, затем наваливаются голод и болезни. От былого расцвета остаются лишь развалины и одинокий полусумасшедший философ Бентам, забытый всеми, для кого он когда-то был кумиром.

В некоторых рассказах Одоевского из этого цикла значительно усиливается мотив ожидания катастрофы. Уже в очерке «Насмешка мертвеца» петербургское наводнение изображается в виде аллегии всемирного потопа. А в масштабах цивилизации протест против эксплуатации человеком природы и ее, в конечном счете, искоренения особенно сильно звучит в рассказе «Последнее самоубийство», который автор называл «развитием одной главы из Мальтуса». Несмотря на все ухищрения человека, его искусственная деятельность (вопреки природе) оборачивается против него самого. В завершении жизни земного шара сливаются границы городов, истощаются естественные ресурсы, эпидемии косят людской род.

В этой мысленной картине, нарисованной крупными штрихами, полностью искажаются нравственные основы человека. Люди радуются смерти и ставят вне закона все, что связано с любовью. Совершение браков и деторождение оказываются преступным умыслом. В финале произведения захлебнувшееся низкими инстинктами, перенаселенное человечество уничтожает последнюю, чудесным образом уцелевшую юную пару, еще способную любить в кошмаре всеобщего страдания. К логическому концу приводит мир Мессия отчаяния, под чьим руководством люди общими усилиями закладывают вдоль экватора громадные запасы пороха, и по условному знаку взрывают их: «треск распавшегося шара потряс солнечную систему... и все утихло... и вечная жизнь впервые раскаялась...» [14]. Этот «террористиче-

ский акт» в духе апокалипсиса, будучи отнесенным в неопределенное будущее человечества, является предупреждением и XX веку с прищущими ему глобальными конфликтами и катаклизмами.

Друзья называли Одоевского «русским Фаустом», речи этого главного персонажа, связующего своими монологами и диалогами новеллы философского романа, безусловно, сливались с авторским голосом. Стройная, хотя и сложная система патетической защиты прогресса и новой нравственности в «Русских ночах» базировалась на беллетризованном изложении едва ли не всей суммы знаний Нового времени и являлась прямым упреком западной цивилизации и поводом для размышлений о перспективе развития человечества. В режиме предельно напряженной полемики с западным рационализмом автор стремится к построению некоей культурной модели, в которой, в соответствии с главными интенциями русского шеллингианства, намечается органический синтез всех предшествующих достижений культуры, но уже без сопутствующего им отчуждения человека от этой культуры. Воспринимаясь в «эпоху специализации» познавательной деятельности едва ли не как анахронизм, мысль Одоевского о том, что «наука и искусство одно и то же» станет исключительно важной интенцией лишь в учениях В.Соловьева, В. Вернадского и других мыслителей глобального, космического масштаба.

По-своему понимая тему «космической совести», Одоевский предуведомляет один из своих рассказов, «Живой мертвец», следующим эпитафией: «Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначащим поступком, с каждым движением души человека». [15] Ощущение связности Вселенной, места обитания человека, – неременный атрибут и первый шаг к глобальной человеческой футурологии, основанной на прогрессе счастья и уменьшении страдания в мире. Именно в этом существенная сторона мировоззрения Одоевского. [16] Но эта же самая особенная направленность философских размышлений в сочинениях Одоевского позволяла причислять его к «идеалистам», «романтикам» «утопистам» и т.п., вследствие чего его

наследие на довольно долгое время было предано забвению. Это произошло в эпоху распространения модных «общественных» учений новейшего времени, на фоне которых антропоцентризм Одоевского, считавшего себя наследником просветителей-классиков, не выглядел актуальным и был предметом интересов лишь историков философии. На самом же деле, мыслитель, безусловно, был «сыном своего времени» и использовал для выражения своей позиции язык современной ему публицистики и беллетристики, часто имевшей простые, незамысловатые формы. Его взгляды на место человека в мире вполне могут быть «переведены» и на язык современной философии.

Литература:

1. Турьян М. А. «Странная моя судьба...». М., 1991. С.99.
2. Беседа Одоевского с Шеллингом // Медов М. И. Писатель и жизнь. М., 1978.
3. Одоевский В. Ф. Сильфида // Одоевский В. Ф. Последний квартет Бетховена. М., 1987. С.201.
4. Цит. по: Семенова С. Г., Гачева А. Г. Владимир Федорович Одоевский // Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993. С.36.
5. Одоевский В. Ф. Недовольно! // Одоевский В. Ф. Сочинения. Т.1. М., 1981. С.480.
6. Белинский В. Г. Сочинения князя Одоевского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т.8. М., 1955. С.297.
7. Одоевский В. Ф. О вражде к просвещению // Одоевский В. Ф. 4338 год. Фантастический роман. М., 1926. С. 60.
8. См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Т.1. Ч.2. Князь Одоевский. М., 1913. С. 444-461.
9. Там же. С.469.
10. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа // Электронная библиотека Гумер - www.gumer.info
11. Семенова С. Г., Гачева А. Г. Указ. соч. С.37.

12. См.: Сербиненко В. В. Диалектика утопических жанров в философской прозе В.Ф.Одоевского «4338 год» // Социокультурные утопии XX века. Реферативный сборник. Вып. 4. М., 1987. С. 229–259.
13. Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 441.
14. Одоевский В. Ф. Последнее самоубийство // Одоевский В. Ф. Последний квартет Бетховена. М., 1987. С. 255.
15. Одоевский В. Ф. Живой мертвец // Там же. С. 44.
16. Более подробно см.: Александров Л.Г. В.Ф.Одоевский как предтеча русского космизма (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Челяб. ун-та. Сер.2. Филология. 2003. № 1. С.46-56; Александров Л.Г. Утопическая футурология В.Ф. Одоевского в контрастах современного мегаполиса // Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе. Материалы международной научной конференции. Челябинск, 2010. С.186-199.